Батчаев Борис Рамазанович

ЗАРОЖДЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ МУЗЕЙНОГО ДЕЛА В КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ

Статья посвящена становлению музейного дела на территории современной Карачаево-Черкесской республики. В центре внимания автора его зарождение в конце XIX - начале XX века, проблемы развития государственных и общественных музеев в 1920-1930-е гг., связанные с финансированием, материально-техническим обеспечением, формированием фондов и коллекций. В статье также затрагиваются вопросы научно-исследовательской деятельности, которую проводили работники музеев Карачая и Черкесии в 1930-1940-е гг., в том числе некоторые итоги археологических экспедиций рассматриваемого периода.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/3-1/4.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 3(65): в 2-х ч. Ч. 1. С. 29-33. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

С середины 1943 года понемногу начал улучшаться процесс подготовки летного состава. Улучшилось материально-техническое состояние школы, увеличилось количество необходимой авиационной техники, появился реальный опыт (в том числе и боевой) у инструкторского и преподавательского состава. Большое внимание уделялось качеству подготовки, вырос самостоятельный налет курсантов летных школ. В акте об итогах выпускных экзаменов в Омской ВАШП в период с 5 апреля по 19 апреля 1943 г. указан самостоятельный налет курсантов в пределах от 7 часов 17 минут до 11 часов 51 минуты [Там же, д. 6, л. 110]. Это примерно в два раза больше по сравнению с количеством часов налета курсантов в начальный период войны.

В целом можно сказать, что созданная накануне Великой Отечественной войны Омская военная авиационная школа пилотов внесла свой вклад в Победу над фашистской Германией. В начальный период войны школа столкнулась с большими трудностями, план подготовки кадров не выполнялся, качество выпускников было низким. Ситуация изменилась в ходе коренного перелома в войне, и хотя количество выпускников по-прежнему не соответствовало плану задания, их качество заметно улучшилось.

Всего Омская ВАШП за период 1941-1945 гг. подготовила более 2 тысяч курсантов. Многие из выпускников авиашколы за мужество и героизм были награждены боевыми орденами и медалями. Части из них, а именно Акимову Михаилу Ильичу, Аксенову Константину Филипповичу, Борисову Петру Сергеевичу, Буслову Сергею Федоровичу, Буслову Федору Васильевичу, Звягину Александру Евстафьевичу, Евстегнееву Ивану Степановичу, Середкину Евгению Александровичу, Сурикову Эмилю Ивановичу, Никитенко Николаю Михайловичу было присвоено звание Герой Советского Союза.

Список литературы

1. **Иванов С. Н.** Материально-техническое обеспечение военных училищ Наркомата обороны СССР на территории Сибирского военного округа в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 2. С. 23-27.
2. **Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации** (ЦАМО РФ). Ф. 35. Оп. 11284.
3. **ЦАМО РФ.** Ф. 60368. Оп. 35867.

OMSK MILITARY AVIATION SCHOOL IN THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Astrakhantsev Oleg Nikolaevich, Ph. D. in History, Associate Professor
Moscow State Technical University of Civil Aviation (Branch) in Irkutsk
onastra@mail.ru

The article is devoted to the activity of Omsk Military Aviation School – the air force educational institution that implemented aviation staff training in Siberia. The author covers the issues of the educational process organization, providing the school with aviation equipment, staffing with permanent and temporary personnel. The paper identifies the specifics of aviation staff training under war time conditions. Relying on the analysis of archival documents the author concludes that the difficulties of the initial period of the war influenced the quality of the graduates' training, it decreased considerably. The situation improved only during the crucial turning point of the war.

Key words and phrases: Air Forces; military educational institutions; aviation; aviation school; cadets; Omsk Military Aviation School; The Red Army.

УДК 93/94
Исторические науки и археология

Статья посвящена становлению музейного дела на территории современной Карачаево-Черкесской республики. В центре внимания автора его зарождение в конце XIX – начале XX века, проблемы развития государственных и общественных музеев в 1920-1930-е гг., связанные с финансированием, материально-техническим обеспечением, формированием фондов и коллекций. В статье также затрагиваются вопросы научно-исследовательской деятельности, которую проводили работники музеев Карачая и Черкесии в 1930-1940-е гг., в том числе некоторые итоги археологических экспедиций рассматриваемого периода.

Ключевые слова и фразы: краеведческий музей; экспедиция; коллекции; экспонаты; выставки; музейный совет; сотрудники; Карачай; Черкесия.

Батчаев Борис Рамазанович
Карачаево-Черкесский государственный университет имени У. Д. Алиева
brblev@mail.ru

ЗАРОЖДЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ МУЗЕЙНОГО ДЕЛА В КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ

Самые ранние истоки музейного дела на территории современной Карачаево-Черкесии восходят к дореволюционному времени, когда в регионе возникают небольшие структуры, осуществлявшие сбор научных коллекций для публичного показа. На руднике «Эльбрус» в 1890-е гг. был создан *Минералогический кабинет*,

по сути, первый музей ведомственного или корпоративного типа. Здесь были представлены «огромные куски серебро-свинцовых самородков, образцы цинковой руды, редкий кристаллический свинец, медный колчедан, медная синь и зелень, охра, известковый шпат, серный колчедан». В помещении размещались лабораторные принадлежности (весы для определения удельного веса руды, печка для плавки, колбы и реторты), а «на стене висела карта Худесских рудных месторождений» [10, с. 102].

Кроме того, представители местных горцев активно и плодотворно сотрудничали с музейными структурами Кубанской области, обретая в этой сфере первые навыки. В качестве внештатных сотрудников *Кубанского войскового этнографического и естественно-исторического музея* (г. Екатеринодар) в 1911-1912 гг. источники фиксируют нескольких уроженцев Баталпашинского отдела из числа известных представителей элиты Карачая того времени. По этнографическому отделу музея в качестве таковых числятся общественные деятели Ахмат Байрамуков (1867-1918), Даулет-Герий Байрамкулов (ум. 1915), Саид Халилов (ум. 1921), знаменитый проводник научных экспедиций Зекерья Кубеков (1864-1937); «по всем отделам музея» – просветитель Ильяс Байрамуков (1869-1921), «по историческому и этнографическому отделам» – просветитель Наны Токов (1866-1926). Именно благодаря усилиям этих деятелей к 1913 г. в музей поступило 95 экспонатов из Карачая. А. Байрамуков получил статус действительного члена музея, а Н. Токов, который осуществил для музея перевод арабографичных документов, – «почетный диплом и благодарственное свидетельство». Добавим, что музейная деятельность тогда велась на основе разрешения («открытого предписания»), подписанного начальником Кубанской области [2]. С Кубанским музеем сотрудничал и ветеринарный врач А. А. Атманских, который направлял сюда археологические материалы [1, с. 13]. Добавим, что свыше 40 экспонатов по этнографии Карачая в 1908 г. передал в Кавказский музей известный просветитель Мисост Абаев [14].

В начале XX века было создано *Баталпашинское краеведческое общество*, в состав которого входили учителя, врачи, чиновники. На его базе в 1916 г. в станице Баталпашинской был открыт *краеведческий музей*, первым директором которого стал Михаил Петрович Петров [16, с. 6].

Именно преемником этого учреждения считается первый музей советского времени, который функционировал уже в городе Баталпашинске на общественных началах и размещался в классном помещении (поэтому в начальное время именовался «школьным»). Впоследствии его перевели в дом, принадлежавший до революции полковнику Свидину и располагавшийся напротив нынешнего Дома правительства КЧР (на месте сквера с памятником С. А. Есенину). Появление этого музея датируется 1922 г. [Там же]. Вскоре он получил статус областного и был передан в ведение подотдела политического просвещения Карачаево-Черкесского областного отдела народного образования (облоно). В 1923 г. областной музей размещался в двух «темных помещениях», а его посещение характеризуется как «минимальное» (видимо, по причине, как свидетельствуют архивные документы, «полнейшего отсутствия местных экспонатов»). Поначалу при музее действовал краеведческий кружок, однако он прекратил существование из-за отсутствия материально-финансовых средств. Власти осознавали угрозу того, что само существование областного музея «приостановится совершенно» [8, д. 29, л. 375]. Но лишь в августе 1924 г. руководство области решило взять на себя бюджетное обеспечение учреждения, которому утвердили минимальный штат (заведующий и сторож) [4, д. 28, л. 7]. После распада Карачаево-Черкесской автономной области (КЧАО) в 1926 г. областной музей как бюджетное учреждение был ликвидирован.

К началу 1930-х гг. в г. Сулимове (ныне Черкесск) существовал общественный музей, который с образованием Черкесского научно-исследовательского института /ЧНИИ/ (1932 г.) был передан в ведение последнего. Только в 1934 г. содержание Черкесского областного музея /ЧОМ/ (которому выделили здание) было взято на финансирование из регионального бюджета [16, с. 6].

Директором ЧОМ являлся Лапин, но он занимал эту должность, судя по всему, недолго. Приказом по Черкесскому НИИ от 10 марта 1934 г. «в целях сокращения административно-управленческих расходов» Лапин был уволен, а обязанности директора музея по совместительству с 1 апреля стал выполнять директор ЧНИИ [8, д. 10, л. 2, 7 об., 8 об.]. Правда, 1 марта 1935 г. на пост директора ЧОМ была назначена К. М. Гутекулова («с временным окладом 200 руб. в месяц»), но уже 15 мая ее также уволили по сокращению [Там же, л. 2, 6]. После этого обязанности директора музея вновь стал исполнять директор ЧНИИ.

В источниках 1934-1937 гг. упоминаются служащие этого музея: научный сотрудник («научный работник», как тогда именовали) Петров; «научно-технический работник» М. А. Бондаренко (она выполняла на время отпусков директора его обязанности по музею, числилась как групповод), К. К. Собиневский (экскурсовод), художники И. Н. Рачинский и В. Ф. Афанасьев, чучельник П. А. Бедненко. При музее имелась в качестве «хозрасчетной единицы» и художественная мастерская с тремя отделениями – скульпторским, поделочным, художественным [Там же, л. 7-17, 31-34].

За счет финансирования из всех бюджетных источников на 1936 г. предлагалась оплата труда работников ЧОМ: директор – 300 руб., научный сотрудник – 250 руб., художник – 250 руб., экскурсовод – 200 руб., столяр – 150 руб., уборщица – 60 руб., сторож – 60 руб. Годовой бюджет предполагался в сумме 38,9 тыс. руб. Как правило, поступления из других источников были нерегулярными. Поэтому бюджетный проект был «обрезан», и местные ассигнования были установлены лишь в сумме 6900 руб. в год, из которых 3500 руб. составлял фонд оплаты труда, 1200 руб. – операционные расходы (содержание зооуголка); 2300 руб. – административно-хозяйственные расходы (отопление, освещение, служебные командировки, почтово-телеграфные расходы и др.). Было установлено финансирование только двух штатных единиц (экскурсовод с месячным окладом в 200 руб., уборщица – 60 руб.) [Там же, д. 12, л. 8, 11, 13].

При Черкесском областном музее краеведения был создан зооуголок живой природы. В том же 1935 г. был разработан «План развития Черкесского областного зоосада», который предусматривал выделение зооуголка в самостоятельное учреждение – зоосад [Там же, д. 22, л. 19-22].

Решение о создании музея в структуре Карачаевского НИИ (со штатной единицей заведующего музеем) было обозначено в постановлении облисполкома Карачаевской автономной области (КАО) от 26 мая 1932 г. о создании самого этого института [6, д. 3, л. 102]. Президиум Карачаевского облисполкома рассмотрел вопрос «Об организации Областного музея в КАО» на своем заседании 3 июня 1932 г. В принятом решении КНИИ было предложено «собрать все имеющиеся экспонаты, могущие быть использованными при организации музея, от разных учреждений и организаций, а также жителей, проживающих в пределах КАО». В адрес краевого национального совета, крайоно и Северо-Кавказского Горского НИИ направлялась просьба о выделении для создаваемого музея материалов «по археологии, географии, естествознанию», а также исторических материалов и картин «из времен Кавказской войны», в том числе картинной галереи Горского музея им. Кундухова. У крайисполкома власти КАО просили дать указание всем структурам, проводившим исследования на территории области, передавать в музей материалы, добытые здесь экспедициями, или их копии. Исходя из того, что в КАО «имеется большой процент русского населения», президиум признал необходимым создание русского отделения музея [Там же, л. 96 – 96 об.].

На заседании президиума облисполкома 27 февраля 1933 г. сообщалось о том, что в КНИИ приступили к организации научной библиотеки и областного музея [9, д. 57, л. 9].

Однако уже в том же 1933 г. Карачаевский НИИ перестал функционировать, так и не получив помещений и бюджетных средств. По той же причине фактически не был создан и музей.

Но еще до восстановления КНИИ встал вопрос о создании областного музея, который уже функционировал в 1934 г. во главе с директором (Гемма Гебенов) и обеспечивал показ экспонатов на областной сельскохозяйственной выставке [Там же, д. 138, л. 96 – 96 об.].

29 января 1935 г. на президиуме облисполкома КАО был рассмотрен вопрос «О работе Областного музея», по которому докладывал его директор Гебенов. Президиум констатировал «слабую работу как по научно-исследовательской работе, так и по изучению истории Карачая». В постановлении говорилось, что «в целях оживления музейной работы в области» создается Областной музейный совет в следующем составе: Аджиев (председатель совета), Гебенов (от Музея), Л. Койчуев (от ОблОНО), Нескородоцев (от Культпропа), Настуев (от обкома ВЛКСМ), Кубанов (от Управления местной промышленности или УМП), Байкулова (от Облсовпрофа). В документе содержится просьба к Черкесскому облисполкому о выделении копий архивных материалов, документов, «характеризующих историю Карачая». Все райисполкомы и аулсоветы КАО обязаны были передавать в музей хранящиеся у них «ценные экспонаты по истории Карачая», а все отделы облисполкома – «все диаграммы, демонстрировавшиеся на съездах советов КАО». Карсоюзу и Союзпушнине предлагалось выделить музею витрины пушнины, а УМП – витрины горнорудных богатств области. Музейному совету разрешалось издать «материалы профессора Богданова по изучению горных пастбищ Карачая». На 1935 г. утверждался штат музея в составе 5 единиц (директор, ученый секретарь, технический сотрудник, художник-оформитель, уборщица). Бюджет музея на 1935 г. был утвержден в сумме 54907 руб., «третьестепенным распорядителем» которой утверждался Музейный совет. Последнему было поручено представить проект здания для музея [Там же, д. 157, л. 2 – 2 об.].

Однако такое здание так и не было построено. В июне 1937 г. региональная пресса отмечала, что областной музей не имеет директора, чью зарплату «получает инспектор школьного сектора» облоно, что он «закрыт на замок», а работы по сбору экспонатов не ведутся. Вина за плачевное состояние дел возлагалась на облоно. Отмечалось, что руководство КАО обеспечило финансирование музея (20 тыс. руб.) и приобретение экспонатов (20 тыс. руб.), но эти средства заведующий облоно Джабаккуев планировал направить не на музей, а на жилищное строительство, и это при том, что осознавалась необходимость наличия в регионе такого музея, который бы отражал «все разнообразие» области [3].

В октябре того же года, когда Джабаккуев уже был смещен, в печати вновь звучали обвинения в адрес облоно, которое «не уделяет краеведческому музею никакого внимания». Музей, не имея своего помещения, прозябал в здании начальной школы и по-прежнему не был укомплектован ни научными работниками, ни экспонатами. Указывалось на слабости структурной стороны дела, на то, что в музее «совершенно отсутствуют такие важные отделы, как социалистическое строительство и история Карачая» [15].

Бюро обкома ВКП(б) к 20-летнему юбилею установления советской власти в регионе (ноябрь 1940 г.) решило открыть «исторический музей Карачая», поручив практическую реализацию этого решения директору областного краеведческого музея М. Эркенову [7, д. 91, л. 125]. Однако постановление так и осталось на бумаге.

Функции музейного учреждения (исследовательская, учетная, охранная) активно обсуждались в региональной прессе того времени. Профессор К. Петрелевич (Карачаевский учительский институт) и Х. Лайпанов (КНИИ) рекомендовали возложить на облмузей «учет, строгую охрану и планомерное изучение памятников археологии» [13]. В немалой степени тревога интеллигенции и ее призывы к охране историко-культурного наследия были связаны с тем, что уникальные памятники раннесредневекового зодчества долин Теберды и Большого Зеленчука находились в пользовании различных учреждений, далеких от культуры (больница, лесхоз и т.п.), и разрушались [4, д. 28, л. 25; 5, д. 83, л. 201-203].

Областные музеи обращались за содействием к краевым профильным структурам. Так, после неоднократных просьб директора Карачаевского областного музея М. С. Эркенова летом 1939 г. Ставропольский краевой

музей (СКМ) направил в КАО археолога Т. М. Минаеву (преподавателя Ставропольского пединститута), которая обследовала Усть-Тебердинский могильник, где ею были выявлены 4 вида погребений (грунтовые, каменные ящики, скальные, надземные) [11]. Таким образом, Карачаевский музей вместе с СКМ (который осуществлял финансирование довоенных раскопок в Верхней Кубани) осуществлял археологическое освоение края [1, с. 16].

В свою очередь Черкесский областной музей в преддверии Великой Отечественной войны находился в ведении ЧНИИ. В штатах музейных работников в 1938 г. числились 8 единиц: директор по совместительству (200 руб. в месяц), младший научный работник (400 руб.), заведующий зооуголком – завхоз (250 руб.), смотритель зооуголка (150 руб.), счетовод-деловод (100 руб.), кассир-вахтер (120 руб.), дворник по совместительству (40 руб.). В 1938 г. бюджет музея составил 31,8 тыс. руб. [8, д. 29, л. 29].

Представление о научных фондах музеев КАО и ЧАО довоенной поры трудно получить ввиду скудности источников. Известно, что Черкесский областной музей поначалу имел всего около 100 подлинных экспонатов по истории, собранных учителями и школьниками (фотографии, гербарии, полезные ископаемые, археологические предметы из числа случайных находок). К началу 1941 г. здесь было 3 отдела (природы, истории, социалистического строительства), библиотека, насчитывавшая свыше 3 тыс. томов по истории и краеведению. Кроме того, при музее действовал зооуголок, который пополнялся за счет общественных усилий. Позднее он стал зоосадом, где были медведи, волки, кавказский олень, косуля, барсуки, лисы, зайцы и пернатые (грифы, совы, филины, дрофы) [16, с. 6-7].

В Карачаевском областном музее имелись археологические коллекции. Одна состояла из вещей Усть-Тебердинского могильника. Упоминавшаяся выше Т. М. Минаева дала краткое описание этой коллекции, в которую входили: грубо высеченная из песчаника голова медведя, другие каменные предметы (3 ступы, пест, верхняя половина жернова), керамика (3 чернолощеных сосудика), железная секира, зеркальце из «белого» сплава; бронзовые украшения (серьга с шариками на стержне, бронзовая фибула с плоской дужкой; маленький бронзовый бубенчик-пуговица с разрезом; бронзовые бляшки), бутылка из зеленовато-желтого стекла; бусины (из синей стекловидной массы с белыми глазками; из сердолика) и др. [11, с. 263-264].

Кроме того, в музей в 1940 г. попали вещи, найденные в предыдущем году кладоискателем из Верхней Теберды в могильнике, располагавшемся на южном склоне горного кряжа приблизительно в 2 км от Амгаты. В их числе были 7 железных секир; 6 экземпляров железных тесел; железные ножи, наконечники стрел; бронзовые вещи (4 ложки; одна ложечка-цедилка; 6 браслетов; сердцевидная бляха, трубочка с кисточкой, фибулы с плоской дужкой), 5 зеркал, деревянный двусторонний гребень, деревянная коробочка с коническим дном; золотая монета – солид византийского императора Константина IV Погоната (668-685 гг.) и др. [Там же, с. 277-278].

Как сообщала в августе 1940 г. Минаева (которая в это время значится как работница Карачаевского областного музея), в течение весны того года в этот музей поступило значительное количество найденных при земляных работах древностей, «большинство которых относится к алано-хазарской эпохе (IV-X века нашей эры)». В их числе – «металлические бляшки, украшавшие мужские пояса, металлические посеребренные наконечники ремней, пряжки от пояса и от обуви, застежки-фибулы, бубенчики, прикреплявшиеся к одежде, металлические зеркала, сабля, наконечники стрел, боевые секиры и прочее». Особенно ценной в научном отношении представлялась «коллекция железных орудий для обработки камня», включавшая «набор из орудий в виде кирки». В публикации упоминается, что осенью 1939 г. в музей поступали и схожие вещи, найденные в городище Гиляч, по левому берегу Теберды против Микоян-шахара, а также по рекам Учкулан н Хурзук. Археолог заключила, что эти материалы, а также дореволюционные исследования «показывают, что в алано-хазарскую эпоху долины кавказских рек были густо заселены, и население их вело оживленные торговые сношения не только со своими ближайшими соседями, но и с отдаленными торговыми и культурными центрами Причерноморья». Сообщается также, что в музей поступили артефакты с могилы на территории самого Микоян-шахара (из камня, кости, меди и бронзы), возраст которых датировался 3-4 тыс. лет [12].

Из директоров Карачаевского музея, помимо Г. Б. Гебенова, известна репрессированная Кубанова («жена осужденного вредителя кулака Кубанова Ахмата»), которая была смещена в октябре 1936 г. «за укрытие от изъятия и хранение в Облмузее контрреволюционной троцкистской литературы» и привлечена к уголовной ответственности [7, д. 69, л. 232]. В 1938 г. в качестве заведующего Карачаевского областного музея упоминается С. А. Арифуллин [Там же, д. 78, л. 111]. Позднее директором стал Магомет Эркенов, который в свое время обучался в Горской национальной кавалерийской школе (с 1935 г. работал председателем Учкуланского райсовета Осовиахима, был принят в комсомол в 1927 г., стал кандидатом в члены партии в 1930 г.) [Там же, д. 67, л. 86].

Добавим, что исследовательская деятельность слабо стимулировалась руководством автономий. Так, региональные власти КАО пришли к выводу о том, что необходимо поддерживать местные научные учреждения в усилиях по историческому освоению края сравнительно поздно. Лишь 31 мая 1940 г. на бюро обкома ВКП(б) рассматривался вопрос «Об археолого-исторической работе на территории Карачаевской автономной области». Здесь констатировалось, что КАО «является районом, очень богатым археологическими и историческими памятниками», которые «должны представлять большую научную ценность – как для общей истории, так и для истории нашего Союза, тем более для понимания истории края и обитающего теперь в нем карачаевского народа». Признавалось, что область не вела «никакого систематического ни учета, ни исследования своих памятников», которые «не только не исследуются и не охраняются, а наоборот – подвергаются уничтожению на почве кладоискательства местным населением». Бюро указывало на необходимость создания археологического отдела в областном краеведческом музее, указав на его цели.

Предписывалось, что археологические материалы должны «поступать на постоянное хранение в музей, весь же собираемый фольклорный материал – на постоянное хранение в научно-исследовательский институт». Ставилась задача «в кратчайший срок добиться проведения реальных мер по охране археолого-исторических памятников области» [Там же, д. 89, л. 158-160].

Однако в последующие годы немецко-фашистская оккупация, а затем и депортация карачаевцев, сопровождавшаяся ликвидацией их автономии (ноябрь 1943 г.), по сути, уничтожили Карачаевский областной музей. При оккупации были утеряны и предметы Черкесского областного музея, а само здание сожжено (его директор Павел Ксенофонтович Григорьев ушел в партизанский отряд и погиб в конце 1942 г.) [1, с. 16; 16, с. 7-9].

После изгнания оккупантов (январь 1943 г.) Черкесскому музею была выделена комната в частном доме по улице Ленина в г. Черкесске, где он стал воссоздаваться усилиями нового директора Агнессы Евграфовны Дайгородовой и научного сотрудника Зои Федоровны Чиж. Областной музей ЧАО открылся лишь в ноябре 1944 г. и стал пополняться за счет даров жителей города, приносивших поначалу трофейное оружие, документы, газеты, печатавшиеся при оккупации, листовки. В 1947 г. были восстановлены 4 отдела: природы, археологии, этнографии и соцстроительства. Фонды музея тогда составляли около 1250 единиц хранения. В 1940-е гг. А. Е. Дайгородова участвовала в экспедициях Т. М. Минаевой по Черкесии. Большой вклад в развитие музея внесла Анна Константиновна Литвиненко, работавшая здесь с 1948 г. на протяжении почти двух десятилетий. Она также участвовала в археологических экспедициях, которые проводились Т. М. Минаевой и Е. П. Алексеевой на территории Усть-Джегутинского, Хабезского и Прикубанского районов в 1950-1960-е гг. [16, с. 7-9].

В целом первая половина XX века в истории рассматриваемого региона характеризуется появлением новых культурных отраслей, в том числе профессионального музейного дела. При этом сами музеи, помимо просветительской функции, уже до войны стали активно вести научно-исследовательскую деятельность. Большую роль в становлении данной отрасли в горской среде сыграло содействие русской интеллигенции, специалистов из других регионов.

Список литературы

1. **Алексеева Е. П.** Археологические памятники Карачаево-Черкесии. М.: Наука (Изд. фирма «Восточная литература»), 1992. 216 с.
2. **Боташева З. Х.** Музейное дело в горах // Экспресс-Почта: общественная газета. 2005. 18 мая.
3. **Быстров В.** Музейный скептицизм // Красный Карачай. 1937. 15 июня.
4. **Государственный архив Карачаево-Черкесской республики** (ГА КЧР). Ф. 138. Оп. 1.
5. **ГА КЧР.** Ф. 309. Оп. 1.
6. **ГА КЧР.** Ф. 310. Оп. 1.
7. **ГА КЧР.** Ф. П-45. Оп. 1.
8. **ГА КЧР.** Ф. Р-28. Оп. 1.
9. **ГА КЧР.** Ф. Р-307. Оп. 1.
10. **Дьячков-Тарасов А. Н.** В горах Большого и Малого Карачая // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (СМОМПК). Тифлис, 1900. Вып. 28. Отдел первый. С. 1-136.
11. **Минаева Т. М.** Могильники в устье р. Теберды // Материалы по изучению Ставропольского края (МИСК). Ставрополь, 1955. Вып. 7. С. 261-289.
12. **Минаева Т.** Новые экспонаты областного музея // Красный Карачай. 1940. 15 августа.
13. **Петрелевич К.** Находки археологов // Красный Карачай. 1940. 5 сентября.
14. **Сатунин К. А.** Деятельность этнографического отдела Кавказского музея // Кавказ. 1908. 27 апреля.
15. **Суздальцев Д.** Где находится краеведческий музей // Красный Карачай. 1937. 30 октября.
16. **Хатуев Р. Т., Батчаев Ш. М., Заубидова И. Х., Чотчаева Р. Н., Шаповалов М. В.** Музеи Карачаево-Черкесии. М.: Изд-во МГОУ, 2006. 90 с.

ORIGIN AND FORMATION OF MUSEUM AFFAIRS IN KARACHAY-CHERKESSIA

Batchaev Boris Ramazanovich
Karachay-Circassian State University named after U. D. Aliev
brblev@mail.ru

The article is devoted to the formation of museum affairs within the territory of the modern Karachay-Cherkess Republic. The author focuses on its origin at the end of the XIX – the beginning of the XX century, and on the problems of the development of state and public museums in the 1920-1930s related to financing, material support, and the formation of funds and collections. The paper also deals with the issues of research activity, which was conducted by the workers of Karachay and Cherkessia museums in the 1930-1940s including some results of the archaeological expeditions of the considered period.

Key words and phrases: museum of local history; expedition; collections; exhibits; exhibitions; museum council; employees; Karachay; Cherkessia.